
С тех пор, как Какаши подчинился воле вышестоящих, которые хотели, чтобы он был нашим сэнсэем, несмотря на его явную неприязнь к заданию, рутина команды 7 превратилась в хаотичный беспорядок, который не соответствовал ни логике, ни разуму.

Без какого-либо определенного графика мы переходили от внезапных вызовов на тренировочную площадку к выполнению миссий ранга D, которые заставляли нас бегать по всей Конохе, чтобы выглядеть дружелюбными по отношению к гражданским.

Я не верил, что наши "миссии" были предназначены для того, чтобы мы применяли командную работу в безопасной обстановке.

Ну, может быть, немного. Я признался себе в этом, когда голыми руками вырывал сорняки в случайном саду. Сорняки, которые, как я подозревал, были усилены злостью Какаши на идею быть моим сэнсэем.

Я хрипел, чувствуя, как напрягается спина, когда корни противостояли моей силе, пока, наконец, я не разворошил грязь, освобождая её от инвазивного растения.

Дешевый труд любого рода, предназначенный для выполнения генинами, которые, как правило, были молоды и в некоторой степени доступны, был чрезвычайно эффективным пиаром, который заставлял гражданских, живущих в Конохе, радоваться присутствию шиноби.

Это заставляло их даже не обращать внимания на тот факт, что любой случайный генин может убить любого мирного жителя в мгновение ока.

Что касается тренировок... Какаши регулярно разрывал мою команду на части, насмехаясь над нашими усилиями со скучающим видом, и время от времени вдавливал основы какой-нибудь техники, не обучая, однако, ничему полезному.

«Пошел ты, Какаши», — подумал я с подавленным рыком. Я не мог сравнить его с тем человеком, которого я знал благодаря своим знаниям.

Я увернулся от камешка, который ликующий Какаши бросил мне в левый висок, чтобы проверить мою "способность оценивать ситуацию", а от второго, который предназначался для моей коленной чашечки, я уклонился, просто наклонившись, чтобы сорвать еще одну травинку.

Кабуто довольно быстро научился использовать нити чакры для поддержки своих сюрикендзюцу, в то время как Неджи и мне постоянно приходилось напрягаться, чтобы избежать смерти от нашего джонин-сэнсея.

Я наполнил чакрой свой организм и успокоил его на мгновение, разрушив иллюзию, в которую Какаши пытался заманить меня, даже не нарушив моего ритма: нагибаться, хватать сорняк, тянуть, нагибаться, хватать сорняк, тянуть.

И пока я работал, я уделял минимальное, но необходимое количество внимания действиям Какаши, и в то же время, как я думал, пытался понять смысл моей ситуации.

«Пошел ты, Какаши», — снова выругался я у себя в голове.

Было два способа привести тело в форму: первый - путь Майто Гая, который заключался в поднятии валунов, отжиманиях и множестве изнурительных упражнений, направленных на укрепление определенных групп мышц.

Второй способ: обучение через бой. В конце каждого дня у меня болели мышцы. Руки болели от количества совершенных знаков руками, которые я постоянно выполнял в надежде получить преимущество над Какаши, ноги словно превращались в кашу от огромного количества ударов ногами. Из-за тех часов, которые я провел, пытаюсь избежать атак моего сэнсэя. Мои плечи ныли, потому что каждый день я почти вывихивал их, пытаюсь вытащить себя или своих товарищей по команде с линии огня.

Мои глаза либо чесались, либо горели, из-за постоянного использования и количества чакры, которую я пропускал через них, пока прокладывал свой путь через искусство визуального гендзюцу.

Помимо адских тренировок, которые, по сути, были лагерем выживания, наши D-ранги были поводом постоянно держать нас в напряжении. Я увернулся от очередного камешка, схватил в полете второй и швырнул его в спину Кабуто, где он столкнулся с другим снарядом, который он пропустил.

Вздохнув, я вернулся к своим размышлениям, не обращая внимания на солнце, бьющее мне в спину, и волосы длиной до плеч, прилипшие к коже из-за пота.

Гендзюцу было любопытной и странной штукой. Направлять чакру через тело можно было простым усилием воли, а в процессе тренировок собственное тело и чакра адаптировались к требованиям, которые вы предъявляли: Ваши кости становились прочнее, мышцы сильнее, связки приобретали идеальный баланс между гибкостью и устойчивостью к разрывам.

Когда я упирался в стены, я не направлял чакру через серию очень специфических команд, я просто направлял её в нужные области и регулировал количество, следя за тем, чтобы она была в правильном соотношении для достижения того, что мне нужно. При выполнении дзюцу, если не принимать во внимание безумно хороший контроль над огнем, большая часть техники заключалась в том, чтобы создавать и выпускать огонь.

Я манипулировал огнем, втягивая, выталкивая или скручивая собственную чакру. Все это было инстинктивно, и команды отдавались эхом в моей чакре, следуя моей воле.

Ни один огненный шар не превращался в дождь мелких угольков, потому что я представлял это в своей голове. Точнее, превращался, но для достижения этого эффекта я вручную управлял своей чакрой, и путем проб и ошибок я выяснил, какие действия с моей чакрой приводят к желаемому результату.

Однако гендзюцу было одновременно намного проще и намного сложнее, чем ниндзюцу: для создания иллюзий не требовалось манипулировать чакрой вне своего организма. Когда я выполнял гендзюцу, мне нужно было просто представить себе ситуацию.

Я хотел, чтобы иллюзия передавала ситуацию, четко держа это в уме, сохраняя контроль над своим телом, осознавая реальное окружение, и пронося свою чакру по путям цели.

Когда я говорил, что представляю, что должна передать моя иллюзия, я имел в виду "точно представить каждую деталь", потому что как только жертва замечала деталь, которая не могла быть реальной, выяснялось, что это иллюзия, а самая главная часть любой иллюзии заключалась в том, что цель не знала, что находится внутри неё.

Шаринган наделил меня идеальной зрительной памятью, а люди склонны ориентироваться исключительно на зрение. Основная часть моей работы с иллюзиями заключалась в том, чтобы создать в своем воображении сцену, в которой осознание окружающей обстановки полностью соответствовало бы реальности.

Люди от природы склонны верить в то, во что хотят, распознавать несуществующие закономерности просто потому, что ищут их, рационализировать, находить схемы.

Когда я обманывал цель, не подозревавшую о существовании иллюзии, большинство несоответствий были скрыты его разумом, как во сне, когда все имеет смысл, пока вы не проанализируете его после пробуждения.

Я упал на землю, позволив трем снарядам пролететь у меня над головой, только для того, чтобы быть вынужденным оттолкнуться в сторону, когда еще один приземлился там, где мгновение назад была моя голова.

«Пошел ты, Какаши», — снова выругался я.

Для визуального гендзюцу обязательно нужен был некий спусковой крючок: не было никаких знаков рукой, чтобы выдать мое применение, но мне нужен был момент, в который моя чакра могла бы проскользнуть по путям моего противника и применить иллюзию, которую я сплел в своей голове. Как только она подействует должным образом, в идеале цель будет действовать на неё самостоятельно, подпитывая иллюзию своей собственной верой.

Если бы я сохранял зрительный контакт, то теоретически мог бы направлять гендзюцу в реальном времени со скоростью мысли.

И это было основой Цукуёми[1], по крайней мере, основываясь на той безумной теории, которую я предварительно построил.

В обычном гендзюцу знаки рук были необходимы для создания "декорации" иллюзии, поэтому чакра противника выполняла основную работу по созданию любой иллюзии.

Помимо очевидного недостатка в знаках рук, которые не имели моментального эффекта, этот метод был хуже, потому что им нельзя было так свободно манипулировать.

У меня была теория, что массовое гендзюцу запускалось через один элемент, который в той или иной степени наблюдали все цели.

Это может быть звук рога или один фейерверк, который завораживает массы. В то же время волна тонкой, как бритва, чакры распространялась по объектам, проникая внутрь и используя триггер как основополагающий элемент иллюзии.

— Очень хорошо, — голос Какаши мои размышления, и, оглянувшись вокруг, я заметил, что солнце уже почти село, что означало, что мы работали большую часть дня, — на сегодня ты закончил, завтра будешь тренироваться самостоятельно.

Я почувствовал, как мои плечи опустились от облегчения, но я сдержался, чтобы не выдать своей внутренней радости: Я не хотел давать Какаши повод подкинуть нам еще немного работы.

Как единое целое, Кабуто, Неджи и я покинули неоправданно большой сад, который мы очистили от сорняков, изредка прихрамывая из-за камешков, которые оставили синяки, когда нам не удавалось увернуться.

[1] Цукуёми - одно из самых могущественных гендзюцу из существующих. Чтобы использовать Цукуёми, применяющий его должен достигнуть зрительного контакта с жертвой, захватывая цель в иллюзию под своим полным контролем. Мастерство Итачи в этой технике позволяло ему с легкостью изменять восприятие времени внутри гендзюцу, и настолько, что хотя в реальности и могло пройти несколько секунд, внутри Цукуёми же они казались днями; это служит идеальным средством для пыток жертвы.

<http://tl.rulate.ru/book/91989/3050041>